

Борис Михайлович Костючёнок. Наш учитель

В.А. Карлов, Л.А. Блатун

ФГБУ «Институт хирургии им. А.В. Вишневского» Минздрава России, Москва

Контакты: Владимир Александрович Карлов doctorkarlov@rambler.ru

Boris Mikhaylovich Kostyuchyonok.
Our teacher

V.A. Karlov, L.A. Blatun

A.V. Vishnevsky Institute of Surgery, Ministry of Health of Russia, Moscow

«Есть понятия вечные: честь и память.
Не важно: **что** написано и **зачем** написано.
Важно: благодаря **КОМУ** это написано...
Ваш ученик...»

*Надпись на автореферате,
преподнесенном Борису Михайловичу*

Написанное — не научная и не поминальная статья.
Попытка эссе, посвященного Учителю.
И не повод для назиданий и возрастного морализаторства.
Ибо память об Учителе должна быть и оставаться благодарной.
На всю оставшуюся жизнь.

Биографическая справка с датой оконченной жизни сродни заключительному эпикризу с набело переписанным диагнозом. Но жизнь не пишется набело. Она проходит черновиками, где вопросительных знаков больше, чем восклицательных, и набросками, весьма далекими от завершения.

Но только за ними, между строк и многих перечеркнутых страниц, возникает образ человека.

Борис Михайлович (мы привыкли называть его Шефом, вероятно, и в последующем этого не избежать) родился в Симбирске (ныне — Ульяновск) в 1921 г. в семье врача. Его отец Михаил Иванович был талантливым врачом и дослужился до звания генерал-майора медицинской службы, для того времени это было большим достижением.

И был он правоверным большевиком, пусть в наше время об этом говорить и не модно.

Рассказываем мы об этом потому, что и отец, и его вера в идеалы, которые были свойственны людям того времени, сформировали Бориса Михайловича как человека и врача.

И, вне всяких сомнений, сформировало его и само Время. Люди нашего поколения — дети военного или раннего послевоенного периода — помнят, что солдат Великой Отечественной 1921–1923 годов рождения называли «поколением 3 %» — именно столько их вернулось с фронта.

Только трое из ста — чтобы молодым было понятно.

Но до войны еще были детство и юность обычного парня, выросшего на Волге, с развившейся страстью к биологии и под влиянием отца — к охоте. Страстным охотником и собачником Шеф оставался до конца жизни. Кстати, при торжественных мероприятиях он, помимо фронтовых и иных наград, обязательно прикручивал к пиджаку значок «Мастер спорта СССР» (по стрельбе).

Учиться он начинал в Куйбышевской ВМА, а заканчивал, как и многие врачи, военный факультет Второго Московского мединститута уже в разгар Великой Отечественной войны, до конца которой и воевал в составе различных полевых госпиталей на Западном, Брянском и 2-м Белорусском фронтах.

Борис Михайлович Костючёнок — студент Куйбышевского медицинского института им. Д.И. Ульянова (ныне — Самарский государственный медицинский университет)

Два боевых ордена, врученных хирургу полевых госпиталей, — большая заслуга.

Однажды после 2 суток, проведенных в операционной без отдыха (это было привычно, когда шло наступление), выйдя на перекур, он упал около палатки. Помогавшие санитарам бойцы, долго не раздумывая, погрузили его в машину с погибшими воинами. Очнулся он за 100 верст от передовой и, повезло, без разборок с «особистами» был отправлен в свой госпиталь.

Думается, Борису Михайловичу еще не раз, начиная с военных времен, везло по жизни, или Судьба берегла его, вознаграждая за многие потери и утраты и за честную работу.

Во время войны он подружился со своим командиром — начальником медсанбата (госпиталя) майором медслужбы Иосифом Александровичем Шухгалтером, который стал потом одним из самых известных хирургов-эндокринологов в нашей стране. Еще до войны он был легендарным советским альпинистом, а по жизни — добрейшим и остроумным человеком. И дружбу свою они хранили до конца дней.

Несложно подсчитать, что когда закончилась война, было Б. Костючёнку всего 24 года — возраст, когда у нашего и более молодых поколений только начинается не только профессиональная, но и сознательная жизнь.

У Б. Костючёнка за плечами уже был фронт. Да, очень большой опыт, но, как он сам рассказывал, опыт, ограниченный рамками работы медсанбата. Да, сделать ампутацию конечности за 7–8 минут фронтовой хирург мог без затруднений, но прооперировать грыжу или холецистит — уже было проблемой.

И Шефу опять повезло, ибо уже в Белоруссии в 1945–51 гг. он служил под началом генерала Е.Е. Бонч-Осмоловского, замечательного клинициста и хирурга. Вероятно, именно в то время и сам Б. Костючёнок начал формироваться как клиницист и хи-

Борис Михайлович — адъюнкт ВМА им. С.М. Кирова

рург широкого профиля и проявил недюжинные задатки в научной работе.

Вспомнилось — во всех анкетах, невзирая на возражения кадровиков, в графе «специальность» он всегда писал — «врач-хирург».

А.И. Лактионов «После операции» (1965). Слева направо: Д.А. Арапов, А.А. Бочаров, С.С. Юдин, Б.С. Розанов. Большое влияние на формирование Бориса Михайловича как хирурга и будущего научного работника оказала работа под руководством Сергея Сергеевича Юдина и Дмитрия Алексеевича Арапова в Институте им. Н.В. Склифосовского

Иван Степанович Колесников

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова

Семён Семёнович Гирголав

Полгода он специализировался «на рабочем месте» в Институте им. Н.В. Склифосовского и с восхищением рассказывал о том, как оперировали С.С. Юдин, Д.А. Арапов и П.И. Андросов, — он хотел и умел учиться.

В этот период Борис Михайлович опубликовал свои первые научные работы, касающиеся применения антибиотиков в хирургии, переломов таза с повреждением мочевых путей и желудочно-кишечной хирургии.

Работы оказались замеченными, и молодой военный врач был приглашен в 1951 г. на кафедру госпитальной хирургии ВМА им. С.М. Кирова в Ленинград, руководимую академиками С.С. Гирголавом, а затем И.С. Колесниковым.

Здесь под влиянием этих блистательных врачей, а также профессоров В.Г. Вайнштейна, Т.Я. Арьева и В.Н. Шейниса он сформировался как хирург-клиницист, педагог и научный работник.

Может, и как человек тоже, ибо С.С. Гирголав и И.С. Колесников, будучи людьми диаметрально противоположных характеров и жизненных привычек (да и происхождения), были невероятно цельными личностями, высочайшего класса профессионалами и предельно порядочными людьми. Такими же были или становились и их сотрудники.

И о каждом из них Борис Михайлович мог рассказывать часами. О невероятном творческом потенциале Т.Я. Арьева, искрометности Вали Шейниса (Шеф именно так его всегда называл), свободно переводившего научную литературу с 5 (пяти) языков, о М.В. Шеляховском, с которым они вместе росли на этой кафедре, выросшем до генеральского чина и ставшем главным хирургом Госпиталя им. Н.Н. Бурденко.

И, конечно, о С.С. Гирголаве, академике, представителе известного княжеского рода (хотя и писал в анкетах — «из служащих»). Он, как, кстати, и академик И.С. Колесников, участвовал во всех войнах XX сто-

летия. В 1943 г. вместе с Т.Я. Арьевым и В.Н. Шейнисом передал полученную ими Сталинскую премию в Фонд обороны.

Замечательный клиницист и хирург, аристократ по духу и по поведению, он был способен на эмоциональные взрывы, но — что, верно, более важно — умел всегда извиняться перед сотрудниками.

Никогда не ставил свое имя во главе списка авторов научных работ, если по сути ими не руководил. И еще, об этом нередко вспоминал Борис Михайлович, тайком раздавал деньги санитаркам и медсестрам, чтобы они могли оплатить облигации госзайма (в те годы это было обязательным правилом для всех). Казалось бы, и несущественная деталь, но нам представляется она лучшей характеристикой человека.

И работы С.С. Гирголава по проблеме лечения ран были в значительной мере предтечей и наших исследований — его классификация ран до сей поры остается лучшей, а еще в начале 30-х годов он выступил с критикой концепций Фридриха, настаивая на ведущем значении хирургической обработки ран. Он призывал ее делать независимо от сроков, прошедших с момента ранения, руководствуясь только клиническими показаниями к этой операции.

Молодые коллеги вправе спросить, а зачем столько подробностей? Ведь «прошлогодние гнезда — не для нынешних птиц», как говорил на смертном одре Дон Кихот Ламанчский*.

Думается, что никто не способен состояться как специалист, тем более — врач-хирург, если за спиной у него не стоит плеяда Учителей. Иначе не бывает.

В ВМА Борис Михайлович проявил себя как универсальный специалист — он разрабатывал вопросы анестезиологии (спинномозговая анестезия, гипотермия — тема кандидатской диссертации), которые были пионерскими для отечественной хирургии тех лет; лечения ожогов и ран, желудочной хирургии, хирургии легких, пищевода и особенно сердца.

*Из книги Б. Франка «Сервантес».

*Александр Александрович Вишневский, Софья Георгиевна Щерба,
Борис Михайлович Костючёнок*

На охоте. А.А. Вишневский, Б.М. Костючёнок

В эти годы ушла из жизни его молодая жена, и он остался с маленькой дочерью на руках. И дочь потом ушла из жизни много раньше него.

Но ни сломать, ни согнуть этого человека было невозможно.

После командировки во Вьетнам в 1959 г. для оказания помощи в развитии торакальной хирургии он демобилизовался и начал работать в Институте хирургии им. А.В. Вишневского АМН СССР.

Переехал он в Москву с дочкой и второй женой. Софья Георгиевна Щерба, которую все (за глаза, конечно) называли Сонечкой, была терапевтом старой «питерской» школы с энциклопедическим объемом знаний и невероятной врачебной интуицией.

Когда изобрели первый советский фоноэлектрокардиограф, то его (аппарат) настраивали по ее слуху. Трудно поверить, но так оно и было, а Сонечке вручили «золотой стетоскоп» от Всесоюзного общества терапевтов. Наши кардиохирурги рассказывали, что она различала на слух шумы на передней или задней створках митрального клапана.

Врачебный дар сочетался в ней с удивительной человечностью. Если можно сказать о человеке, что душа у него обнажена, – то это о ней. В сочетании с редчайшей деликатностью.

Они оба были замечательными врачами. Дабы не впасть в банальность, присущую описателям нашего ремесла, ограничимся цитатой/парафразом из книги известного режиссера:

«Врачи делятся, грубо говоря, на тех, у кого непроницаемая кожа, и у кого ее будто бы и нет. Толстокожих врачей полно. И они иногда, к сожалению, берут верх в медицине. Медицина очень страдает от этого.

Врач, впрочем, **как и всякий художник**, – это человек с обостренной психикой, с обостренной нервной системой... врач не только должен уметь чувствовать, но и иметь аппарат, пригодный для передачи чувств»**.

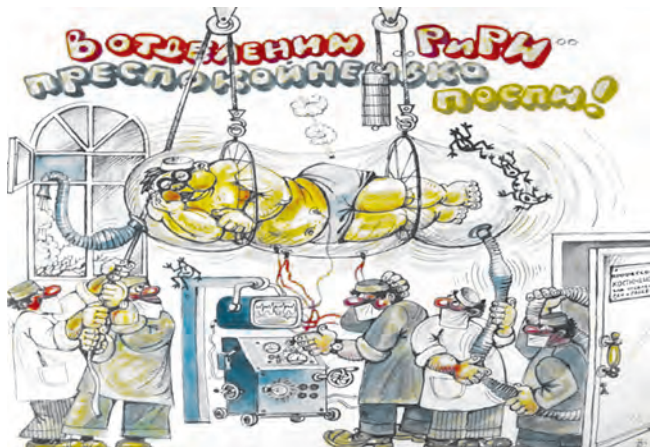
Простите за вольность – в приведенной цитате мы заменили слова «актер» и «искусство» на «врач» и «медицина», но она оказалась предельно точной для характеристики и Софьи Георгиевны, и Шефа как врачей.

Не стоит скрывать – характер у Бориса Михайловича был нелегкий.

Учительница, защитница наша. Мы все были влюблены...

**Из книги А.В. Эфроса «Репетиция – любовь моя».

«Есть Костючёнок Б.М. — есть ИДЕИ. Есть идея — иди к Костючёнку Б.М.» — чувство юмора в Институте Вишневского всегда приветствовали

Но когда мы, его сотрудники, поняли, что он во главу угла — или нашего ремесла — ставит преданность врачебному делу и больному и предельную тщательность в исследовательской работе, то и обижаться стало не на что.

Он был жестким, но не жестоким; строгим к подчиненным, но и строгим по отношению к себе самому;

он мог жестко выговорить врача на обходе, но никогда и никому не отказывал в помощи и каждого из нас защищал в любых инстанциях и до победного исхода.

И жили-работали мы как единый механизм (или коллектив, но это определение тоже стало непопулярным), зачастую не зная ни выходных, ни праздников. И нередко по окончании операционного дня кого-то вызывали в кабинет Шефа, и он весьма «дружелюбно» сообщал, что нужно срочно написать статью — чаще большую и серьезную, если не программную. А на вопрос, как срочно, столь же деликатно сообщал: «Вчера!».

Когда-то при написании очередного капустника (была такая традиция в Институте Вишневского) сочинили мы припев (на мотив «Шаланды, полные кефали»):

*«И все увечные вставали,
Когда в палату он входил».*

Как мы работали при Шефе? Можно ответить одними глаголами: лечили, оперировали, перевязывали, писали статьи и книги, создавали научные фильмы, консультировали больных по всей стране (СССР, если кто запомнил), читали лекции и проводили семинары на курсах усовершенствования врачей, органи-

Обзоры, лекции, история ран и раневых инфекций

Ясная Поляна

Научные конференции в Тбилиси, Алма-Ате, Петрозаводске, Семипалатинске, Новгороде и других городах

Мичурино

Ростов-на-Дону

Рига. Институт органического синтеза

Ясная Поляна

зовывали совместные конференции в областях и республиках, провели 6 всесоюзных конференций по проблеме.

Почему-то мы успевали. И сложилось так, что все радости и горести переживали вместе — рождения детей, новоселья, защиты диссертаций и, увы, прощание с коллегами. Вместе.

Вспомнилось — каждый год полный профессорский отпуск был посвящен охоте. Бытовала у нас шутка, что отпуск Шефа включен и в наш общий для всех. Но после него... Софья Георгиевна всегда устраивала всеобщее пиршество — холодец из лосятины, котлеты из кабанятины, маринованные чирки...

В Институте Борис Михайлович открыл новое направление, организовав группу по изучению сочетанных («тройных») ревматических пороков сердца.

Итогом этой работы стали докторская диссертация «Диагностика и хирургическое лечение тройных митрально-аортально-трикуспидальных стенозов» (1967) и 8 кандидатских диссертаций, выполненных под его руководством, и 4 монографии.

Если учесть, что первые работы по хирургии сердца «Раны сердца и их лечение» и «Случай удаления иглы из мышцы сердца» опубликованы Б.М. Костюченком в начале 50-х годов, и с тех пор в течение более 20 лет он непосредственно принимал участие в разработке различных вопросов хирургии легких, пищевода и сердца, широко оперировал во всех этих областях, то его можно считать одним из пионеров торакальной хирургии у нас в стране.

Вне всяких сомнений, огромное значение и для Б.М. Костюченка, и для всех нас имела невероятная творческая атмосфера, сложившаяся в Институте им. А.В. Вишневского, и то влияние, которое оказывали на нас многие его сотрудники.

Но это тема для отдельного разговора.

Даже возглавив в 1973 г. отделение ран и раневой инфекции, Шеф продолжал руководить группой в кардиохирургии.

Итак, отделение ран... Вероятно, о его истории в связи с 40-летним юбилеем будет опубликована отдельная статья. Выделим лишь то, что представляется нам самым важным.

Оно было первым в Советском Союзе специализированным отделением для лечения ран и раневой инфекции.

А.А. Вишневский говорил тогда, что поручил организацию отделения Б. Костюченку не только и не столько потому, что он обладал огромным опытом, в том числе и в военно-полевой хирургии, и школой С.С. Гирголава, но и по причине его нестигаемого характера.

Начало было очень трудным, потому что к тому моменту среди нас только один сотрудник — А.М. Светухин, ученик школы В.И. Стручкова и В.К. Гостищева, обладал реальным опытом гнойной хирургии.

Тем не менее в течение короткого периода были развернуты полноценная оперативная работа и научные исследования.

Б.М. Костюченку удалось выявить в каждом из нас какие-то своеобразные и сильные стороны и создать команду единомышленников. Уже к 1981 г., когда было опубликовано 1-е издание монографии «Раны и раневая инфекция», многие направления работы с полным на то правом могли носить гриф «впервые».

Были разработаны новая классификация раневого процесса и метод активного хирургического лечения гнойных ран и впервые обосновано и сформулировано понятие «хирургической обработки гнойной раны» (Б. Костюченко, В. Карлов), которые и по сию пору лежат в основе деятельности всех специалистов гнойной хирургии.

Нелишне заметить, что эффективность хирургической обработки была доказана циклом объективных и достоверных научных исследований (С. Игнатенко, Е. Гуцу) с единственным в мировой практике исследованием показателей местного иммунитета в тканях гнойной раны.

На этой базе разработаны методы раннего закрытия гнойных ран с помощью швов, в том числе и первичных, или иных методов пластики (В. Карлов, Ю. Амирасланов, В. Матасов, В. Митиш). А вслед за этим созданы методы пластического закрытия обширных ран и восстановления обширных дефектов костей, в том числе и в управляемой абактериальной среде (Ю. Амирасланов, В. Матасов, В. Митиш, В. Хотиняну). Кстати, и микрососудистые анастомозы при пластике обширных раневых дефектов впервые начали применять в нашем отделении (В. Якоми, Н. Антохий, В. Митиш).

Создана система объективных критериев оценки раневого процесса, впервые и, кажется, единственный раз в мировой практике изучен местный гемостаз в тканях раны (Ю. Амирасланов).

Были разработаны критерии иммунодиагностики и методы иммунокоррекции хирургической инфекции (С. Белоцкий, В. Карлов), ранее не применявшиеся в клинической хирургии.

Отдельным направлением было изучение проблемы хирургического сепсиса, создана оригинальная классификация, обоснованы объективные критерии диагностики, разработан комплекс хирургического лечения и интенсивной терапии (А. Светухин, А. Звягин, А. Жуков, В. Мальченко), впервые в мировой практике были организованы специализированные палаты интенсивной терапии больных сепсисом.

Благодаря циклу исследований стал рутинным оригинальный метод определения числа микробов в тканях раны (и даже в костной ткани), апробированы и рекомендованы в практику многие антибактериальные препараты, среди которых в те годы было не-

На встрече с однокурсниками по Куйбышевскому медицинскому институту (военный факультет)

мало отечественных (И. Колкер, А. Маршак, Л. Блатун).

Сейчас мазь левомеколь есть чуть ли не в каждой домашней аптечке. Но в конце 70-х оригинальные мази на водорастворимой основе, разработанные харьковскими коллегами (Б. Даценко с сотр.), внедряли в практику с немалым трудом. Во многом благодаря исследованиям, проведенным в нашем отделении (Л. Блатун).

Впервые был освоен и труднейший опыт работы при массовых катастрофах.

Все эти и многие другие достижения были суммированы во 2-м издании фундаментального руководства «Раны и раневая инфекция» (1990), которое было кардинально переработано в сравнении с 1-м изданием.

Борис Михайлович очень гордился этой монографией.

Думается, нет нужды в дальнейшем перечислении, ибо все сказанное можно суммировать очень просто:

Была создана Школа Б. Костючёнка.

Большого достижения у хирурга быть не может.

Впрочем, сохраним привычный формальный стиль изложения: Б.М. Костючёнок награжден 16 пра-

Б.М. Костючёнок (1921–2009)

вительственными наградами, среди которых — боевые ордена и медали. Лауреат Государственной премии СССР, опубликовал около 200 научных работ, воспитал 25 докторов и кандидатов наук.

Вылечил и прооперировал многие тысячи больных и раненых.

И его Школа продолжает работать.

«Перед своей кончиной никто не бывает настолько мудр, чтобы задуматься над тем, какой приговор — милостивый или беспощадный — будет вынесен его душе после смертного часа» (Беда Досточтимый, ок. 735 г.***).

Верно, и Борис Михайлович никогда не рискнул бы выносить окончательный вердикт.

Но мы имеем на это полное право.

Это была достойная жизнь достойного человека.

Врача, хирурга, исследователя, учителя.

ЛИЧНОСТИ.

В чем и подписываются его ученики

В. Карлов и Л. Блатун.

***Беда Досточтимый, или Достопочтенный, бенедиктинский монах, летописец, лат. *Beda Venerabilis*, англ. *Bede the Venerable*, др.-англ. *Bæda или Bēda* (ок. 672 или 673 г. — 27 мая 735 г.), канонизирован в 1899 г.